

Учитель-фронтовик

Рыжков Александр Иванович

В своей работе мы попытались описать тяжелую судьбу солдата — Рыжкова Александра Ивановича, попавшего в фашистский концлагерь, перенесшего ужасы немецких концлагерей. Ведь не только на фронтах Великой Отечественной войны ковалась победа, ковалась она и в тылу женщинами и подростками, свой огромный вклад в победу внесли и они - узники концлагерей, чуть живые, изнемогавшие от голода, издевательств, тяжелого труда, но не сломанные, не потерявшие чести, совести и верности Родине!

Рыжкова Александра Ивановича родился 5 декабря 1920 года в селе Троицкий Посад Горномарийского района в крестьянской семье. Окончил Козьмодемьянское педагогическое училище. Выбрал самую гуманную профессию учителя. Работал в Коротнинской, Дубовской, Визимьярской школах.

В октябре 1939 года получил повестку в армию. По призыву 1939 года новобранцев привезли эшелонами в г. Рославль Смоленской области. Определили в полковую школу – учить на младших командиров. По Красной Армии был брошен клич: солдаты, курсанты поступайте в военные училища учиться на командиров. Ряд курсантов полковой школы, в том числе и Александр Иванович подали рапорт о направлении на учебу. После сдачи экзаменов стали курсантами первого курса Смоленского артиллерийского училища.

Итак, сначала окружение, а затем плен. По разному люди попадали в плен. Сегодня не секрет, что в период 1941-1942 гг. в этом зачастую было виновато высшее командование. Но ведь тысячи и тысячи остались

обвиненными только потому, что оказались в плену. А миллионы из них не были обвинены только потому, что просто не выжили, были сожжены в крематориях, повешены, вспоминает, прокликает:

В те три месяца шестнадцать дней, когда моя жизнь находилась в руках врага, у меня и мысли не было, что я когда-то буду писать об этом отрезке своей военной биографии...

Находясь в «шталаге» номер 316 под Варшавой (*Шталаг(Stalag)*, *общеупотребительная сокращенная форма (от Stammlager) обозначения лагерей для интернированных военнопленных во время 2-й мировой войны*), на убранном картофельном поле, огороженном колючей проволокой и разделенном на множество отсеков с брезентовыми палатками фирмы «Рюк-Зак», я видел, как ежедневно умирали наши истощенные солдаты. Я был в этой же очереди.

Но чудом этого не случилось. Таков уж видимо рок, такая судьба.

Как же меня угораздило оказаться в фашистском плену?

Проучившись почти два года в Смоленском артиллерийском училище, в первый месяц, вернее, неделю войны, где-то через 3-4 дня после ее начала, мы со своей техникой заняли оборону восточнее Орши. В начале июля, когда враг уже занял Минск, а самолеты его вели ночную бомбардировку Смоленска, пришел приказ наркома обороны Семена Константиновича Тимошенко о досрочном выпуске нас из училища.

Через несколько дней большая группа лейтенантов-артиллеристов на армейском грузовике уезжала из дымящегося города на Западный фронт. В составе этой группы был и я. Вооружение пистолет ТТ и для оперативных карт – планшетка. Все излишки вещевого довольствия были почтой отправлены домой. Дойдет, хорошо, а не дойдет, все равно на фронте его не сохранить. Так думали все будущие фронтовики.

Из штаба фронта я был направлен связным в штаб дивизии, только что форсировавшей Днепр и освободившей город Рогачев.

Но быть связным пришлось недолго. Я даже со своим черногривым мерином еще как надо не познакомился: дивизия, покинув правый берег Днепра, стала отходить на восток.

Отступление было обусловлено обстановкой. Фашисты, захватив Могилев и Гомель, попытались окружить группировку наших войск между реками Днепр и Сож.

Как не спешило наше командование, но миновать окружения мы не смогли. Разнуздав коней, подорвав оружие, захватив с собой что можно из дивизионного обоза, мы разбрелись по днепровской болотистой низменности, спасаясь кто как может. Под вечер на опушке леса собрались сотни три солдат во главе с младшим лейтенантом. Без карты местности, с тремя автоматами и

одним пистолетом они наивно планировали прорваться в гомельский лес и без потерь прорваться к своим через брянские леса.

Соединившись с ними, мы проверили наличие оружия. В моей группе было семь стволов. Построились, примерно поровну я принял решение рассредоточиться в малые группы и двигаться к шоссе Гомель-Могилев.

С наступлением темноты лес стал освещаться вражескими ракетами. Разведчики, высланные к шоссе, сообщили, что оно патрулируется мотоциклистами и постоянно по нему передвигаются при свете ракет немецкие войска. Утомленные, мы группами устроили привал. На опушке леса я наткнулся на грушу командиров, среди них оказался командир батареи полка, вместе с которым мы подрывали оружия, чтобы они не достались врагу. От него я узнал, что в группе штабные работники дивизии. Среди них солдат, уроженец этой белорусской местности. Он знает все здешние ходы-выходы. На душе стало чуть полегче, авось вырвемся из окружения, преобретая с рассветом по болоту.

Расстелив плащ-палатку и полунакрывшись одной ее полкой, мы с командиром батареи, сняв с петлиц знаки отличия, впали тут же в дремоту от усталости.

На рассвете, проснувшись от стрельбы и немецкого говора, мы увидели перед собой дула направленных на нас немецких автоматов и вражеских солдат. Так мы оказались на окраине близлежащей белорусской деревни, окруженные, как частоколом, вооруженными немецкими солдатами.

При проверке командира батареи немцы увели за сарай и там расстреляли. У него нашли в кармане бритву, посчитав ее за холодное оружие.

Вскоре колонной, длина которой была не меньше километра, нас пригнали я Могилев, где во дворе тюрьмы дали при страшной давке в очереди по пол литре овсяной баланды и снова погнали, теперь уже на запад. Куда, никто не знал.

От Могилева через Осиповичи, Слуцк, Барановичи, Брест нас везли на открытых платформах железной дорогой в Польшу. В 64 километрах от Варшавы эшелон выгрузили в поле и всех загнали за колючую проволоку.

Голодные, утомленные мы валились с ног. Несмотря на голод, сон брал свое. Но вот отлежал ты руку, подложенную под бок, спасая от сырой земли легкие, надо повернуться. Не тут-то было. Стоило только подняться, так твое место мгновенно исчезало, ряд сжимался как пружина. Вот так, сидя приходилось коротать до утра, когда полицейские входили в палатки с криками «Подъем», «Выходи строиться».

Тех кто покрепче заставляли идти на кухню за едой, которую потом наливали по черпаку в солдатский котелок. С порцией баланды давали и граммов то 300 хлеба на весь день. На хлеб можно было купить все, от махорки до одежды и обуви. Не доедая, и я купил вторую гимнастерку, чтобы хоть немного теплее было ночью. Все мысля были, об одном: сак бы выжить.

Недалеко от вашего концлагеря проходила железная дорога Варшава-Брест. И мы видели, как часто, почти ежедневно, шли на восток эшелоны с зачехленной и замаскированной военной техникой. Как шли в то время дела на фронте, мы не знали. Среди пленных распространялись разные провокационные слухи, подобно тому, что Москва уже взята, Гитлер готовится к параду на Красной площади. Не укладывалось это в голове. На глазах у нас каждый день умирали от истощения ваши товарищи.

Смерть не щадила никого. Были случаи, когда полицай нагайкой лупил лежащего на земле в палатке лагерника после подъема, а он был уже мертв. Умирали в первую очередь курильщики. Они за пайку хлеба выманивали махру, лишая себя еды. А то курили сухую траву, вату, доводя этим себя до крайнего истощения и смерти.

Наш отсек находился недалеко от входных ворот, через которые шли бригады пленных с лопатами, под конвоем. Следам за ними выезжали подводы с трупами и направлялись в сторону прошедших «могильщиков».

Часто умирали и от побоев, издевательств, устраиваемых полицейскими из числа западных украинцев Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей, перешедших на службу к лагерному немецкому начальству. Были среди нас и «стукачи», доносившие полицаям разговоры о готовящемся побеге, из лагеря.

Издеательства были не только в виде побоев нагайкой. Заставляли держать двухметровую половую доску на вытянутых руках. Чуть руки начали опускаться, били беспощадно до последнего дыхания. К человеку не было жалости ни на волос. Были и расстрелы перед строем.

Как-то раз, чтоб не заболеть дизентерией, я со слезами выпросил у ребят, работавших на кухне, кость, чтобы обжечь ее на костре. Нашел около вновь строящегося отсека гвоздь и решил из него сделать долото, чтобы щепать из чурбаков лучину для костра. Подошел к одному из пленных и попросил его дать на минутку молоток. Так он с меня запросил пайку хлеба, что я только ударил молотком по гвоздю.

Дизентерия как косой косила людей. Спасаясь от расстройства желудка, я поджарив на огне, съел кожаный ремень и сапожные стельки. Хорошо, что я не курил. Скудную норму пищи ни на что, кроме гимнастерки не менял и в полицейские лапы не попался. Это и уверенность, что наши победят врага, спасали от смерти.

/Исследования по шталагам Цейтхайн, Штукенброк-Зенне, Зандбостель и другим свидетельствуют: чтобы не умереть с голоду, пленные ели кору, листу, траву, ядовитые грибы и прочее. Они набрасывались на отбросы, рылись в мусорных баках, пожирали то, что не употребляли даже животные. Процветали воровство охранников и черный рынок, что еще более усугубляло голод. Неработающие военнопленные вообще были

обречены на голодную смерть. Столовая посуда и приборы не предусматривались.

Существенная причина смертности - массовые заболевания - как следствие голода, так и от холода, отвратительного питания, ужасной антисанитарии, массовых эпидемий. С июля по октябрь 1941 г. в большинстве лагерей свирепствовала дизентерия.

Пленных, прибывших в лагерь, размещали под открытым небом, на голой земле, ничем не защищенными от непогоды - ветра, дождей, холода. Большинство пленных не имело даже шинелей. Многие ютились в норах, пещерах, землянках, шалашах. Строительство бараков затянулось, а те, что были уже построены, быстро переполнялись. Велик был удельный вес смертности среди раненых пленных. Особенно трагичной была их судьба в начале войны. О них никто не заботился, их убивали - и во время пеших маршей, и в концлагерях. В сборных пунктах медицинская помощь оказывалась крайне редко. Немецкие врачи равнодушно относились к военнопленным. Рацион питания не превышал 1500 калорий в день. Раненые практически обрекались на медленную смерть, а "окончательно" нетрудоспособных пленных отправляли в лагеря смерти или туберкулезные бараки./

Мы стали создаваться коллективы единомышленников. В нашей палатке это были ленинградцы, москвичи и ребята с Закавказской железной дороги. Мы стали мозговать, как устроить побег.

Было принято решение: как только откроют выходные ворота зоны отряду «могильщиков», мы, собравшись у крайней палатки, самой ближней к выходу, набрав заранее в карманы камней, песка, земли, бежим вслед за ним, забрасываем охрану содержимым карманов, целя в глаза, чтобы ослепить, и выбегаем из лагеря. «Могильщики» такие же пленники, тоже побегут, думали мы.

Но в назначенный, час на побег решились всего человек пять, остальные трусили, побег сорвался. Хотя часовой еще не закрыл ворота. Или он сочувствовал нам, или это была провокация, чтобы расстрелять из автомата.

Недели через две созрел другой план: ночью по одному выходить из палатки в туалет (яму, обшитую сверху жердями, расположенную около вновь строящегося у леса отсека), оттуда пробраться в эту пока безлюдную загородку, а там перемахнуть через внешнюю колючку и — в лес. Но нас опередили ребята из другой палатки. Их заметила наружная охрана, открыла стрельбу, освещая ракетами, трассирующие пули веером пронизывали брезентовое жильё зоны.

В ответ на попытки побега немцы в срочном порядке заставили пленных установить второй ряд колючей проволоки. Установили с наружной стороны несколько пулеметных точек.

Осень брала свое, все чаще случались морозы, выпал снег. Лагерное начальство решило рыть землянки, переселяя в них пленных из брезентовых

палаток. По мере готовности мы под вечер старались втиснуться в них, чтобы не замерзнуть под брезентовым укрытием. Помню, сунулся в одну землянку, мест нет. В другую – как снопов в овине. Наконец, в одной у входа свободно. Прилег, задремал. Наутро просыпаюсь и чувствую, что спина от соседа нисколько не нагрелась. Поднялся, а он мертвый.

В таких мытарствах день за днем прошло более трех месяцев. В конце октября нас построили в одну колонну. Я оказался в первом ряду. Из соседнего отсека пришли немецкий офицер с переводчиком и какой-то невысокого роста гражданский тип в шляпе и в очках.

Проходя вдоль строя, человек в шляпе, взглядываясь в стоящих перед нами «рабов», указывал. Переводчик скомандовал: «Выходи». В числе других вышел и я, признанный, видимо, походящим «рабом». Вышедших построили, отсчитали триста человек, и подошедший конвой повел нас в строящийся отсек, «Зачем?» — думал каждый из нас, но вслух сказать или спросить шедшего рядом полица боялись. Будь что будет — успокаивали мы себя.

В расположении новой загородки нам выдали по 400 граммов серого хлеба, баланду и немного спустя повели на ближайшую станцию железной дороги, туда,

откуда три с половиной месяца назад нас привели в концлагерь.

Уже стоял железнодорожный состав из восьми вагонов, из которых лишь два были пассажирскими, видимо, для вооруженной охраны. Из них то выходили, то входили автоматчики в военной форме.

С трудом забравшись в товарняк, подсаживая друг друга, мы оказались запертыми по шестьдесят человек в каждом вагоне. Время близилось к вечеру, и мы на песчаном полу вповалку расположились на ночлег.

Всю ночь нас везли куда-то. Слышен был только перестук колес да осенний завывающий ветер. Наутро поезд остановился на каком-то разъезде. В слуховые окна, переплетенные колючей проволокой, с одной стороны были видны бескрайние польские поля, с другой — уходящая железнодорожная линия с вывеской и указателем на немецком языке «Майданек».

Что это за местечко в Польше, мы тогда не знали. А то было предместье города Люблин, где осенью 1941 года был создан один из немецко-фашистских лагерей массового уничтожения людей. По данным Нюрнбергского процесса в нем было истреблено около полутора миллионов человек разных национальностей.

Но Бог к нам оказался милостив. Постояв на полустанке до вечера, мы поехали дальше. Прошел слух, что нас везут в Испанию, на рудники. Верить приходилось всяким версиям. И они заставили принять решение: бежать! В вагоне несколько ребят оказались участниками первых двух попыток побега из лагеря. План был таков:

Поднимаем одного на руках, тот ударом сапога отбивает в одном слуховом окне колючую проволоку и через него, поднимаем друг друга, вылезает из вагона. Обязанность отбивать проволоку возложили на меня так как на мне были офицерские сапоги с металлическими набойками на каблуках и носках. Какая сила у голодного? Но я, придерживаемый руками товарищей, изо всех

сил бил ногой по проволоке. Наконец одна лопнула, Отлетел конец другой, третьей. Обессилев и загнув отбитые проволоки вверх, я сделал свое дело. Обрадев, ребята один за другим, как и было задумано, на ходу поезда под свист ветра вылезла из вагона. Меня подняли шестым. Пролезая через окно, я зацепился за колючку проволоки и порвал купленную за пайку хлеба гимнастерку. Но не это меня волновало. Как я буду прыгать на ходу, смерть неминуема от неудачного прыжка, думал я. Вылезшим из вагона удалось добраться до дверной задвижки вагона. Теперь желающих бежать стало значительно, больше. Никто уже не лежал, все встали, толкаясь у дверного просвета.

Раздумывать было некогда. Спустившись на подножку вагона, я прыгнул по ходу шедшего уже с меньшей скоростью поезда. Угадал на семафорную проволоку, перевалился через нее и кубарем покатился под откос, насыпи. Уже в кювете я слышал, как звенела проволока. Это прыгали за мной те, кто решился на побег. Поезд, подойдя к станции, остановился. Послышались тревожные гудки, крики немецкого конвоя, выстрелы. Пригибаясь к земле (откуда и прыть взялась), я старался убежать дальше в ночную тьму от полотна дороги, присматриваясь на фоне серого неба, нет ли кого поблизости из бежавших из вагона.

Вскоре стрельба утихла, поезд, подав сигнал, тронулся дальше.

Сегодня, взглядываясь в карту Польши, я понимаю: нас переправляла в другие концлагеря на зиму, «Майданек» не принял, повезли дальше.

Поляк, участник первой мировой войны, в дом которого мы попросились с Иваном Кирпичем из-под Киева (с ним мы встретились на поле я решили пробираться на восток вместе), оказался настоящим человеком. До нас он уже выручая таких же, как мы. Не спрашивая, кто мы, откуда, накормили кислым- молоком, дали самотканое одеяло и впервые за долгие месяцы мы заснули крепким сном.

На следующий день, поев похлебки, сменив одежду на принесенную родственниками хозяина, мы с Иваном тронулись к речке Сан. Далее в его село Попивку Каневского района, под Киев, где на берегу Днепра похоронен Тарас Шевченко.

Предстоял нелегкий путь тайными тропами по оккупированной территории Польши и Украины. Ему по прямой километров шестьсот до Днепра, а мне не одну тысячу до Волги...

А дальше со своей часть Александр Иванович принимал участие в освобождении Варшавы, прошли через польские города Лодзь, Познань. Принимал участие в Берлинском сражении 1945 года, с боями дошел до Германии. За мужество и героизм проявленный в боях за Родину Александр Иванович Рыжков награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «Победа над Германией», «За взятие Варшавы» имел юбилейные медали и орден ВОВ к 50-летию Победы.

Как учитель в ноябре 1945 года Александр Иванович был демобилизован. Но поскольку он был в плену, на работу в школу не вернулся, не разрешили. И он начал работать в Дубовском лесхозе. Сначала как художник – оформитель, потом в конструкторской группе по проектированию и производству товаров народного потребления в качестве начальника. Интересная была работа. Лесхоз по производству сувениров из мягколиственной древесины не раз получал призы и премии.

Спустя некоторое время, когда нормализовалась обстановка в стране Александр Иванович приходит работать в Дубовскую школу организатором внеклассной работы и учителем истории. Организует кружок «Юный историк». Для участников кружка организует поездки по памятным местам и встречи с интересными людьми. Во время зоны затопления, с семьей переезжает в п. Визимьяры, работает в школе учителем истории и НВП. Он тесно поддерживал связь с бывшими фронтовиками, организовывал встречи, с учениками участниками поискового отряда «Поиск» собирал информацию о погибших участниках войны. После выхода на пенсию в 1980 году Александр Иванович возглавил Совет ветеранов поселка. Честно заслужив почет и уважение своих земляков.

Умер Александр Иванович в 2004 году.

Рыжков Александр Иванович (в четверном ряду третий справа)
25 мая 1987 год

На встрече с учениками 2002 год.

